

Корф Ольга Максимовна
Бакалавр филологических наук
МГУ имени М.В. Ломоносова
по специальности
«Русский язык и литература»

Черты постмодернизма в романе Виктора Пелевина «Жизнь насекомых»

«Жизнь насекомых» — это второй по счету роман писателя Виктора Пелевина, впервые опубликованный в 1993 году в журнале «Знамя». Роман представляет собой метафорическое изображение самых разных членов общества начала 1990-х годов в России. Герои произведения — это своего рода оборотни, которые предстают перед читателями то людьми, то насекомыми.

В романе несколько сюжетных линий: главки с комарами Арнольдом, Артуром, Арчибальдом и американцем Сэмом, история жуков-навозников отца и сына, любовные линии муравьи Марины и майора Николая, дочери Марины Наташи и Сэма, философские размышления мотыльков Димы и Мити, беседы о планах в советской истории (план Маршалла, пятилетний план и др.) конопляных клопов Максима и Никиты, история превращения Сережи в таракана (отсылка к «Превращению» Кафки). Все эти герои часто встречаются и в «не своих» сюжетных линиях внутри романа, причем одно «насекомое» может становиться для другого «человеком», т.е. чем-то большим, что способно решить его судьбу. Так, огромная демоническая красная туфля, раздавившая жука-навозника, ставшего большим шаром, была одета на ножку молодой муравьиной мухи Марины. В этой сцене Марина — такое же насекомое — будто бы приобретает человеческие размеры. В данном эпизоде используется характерный для творчества Пелевина прием игры¹,

¹ Коваленко А.Г. МИР ИГРЫ И ИГРА МИРАМИ В.ПЕЛЕВИНА // История русской литературы XX-начала XXI века. Часть III. 1991-2010 го-ды. Сост. и науч. ред. проф. В.И.Коровин. М., Изд-во Владос, 2014.

который подчеркивает условность различий между жизнями людей и насекомых. В другой сцене американец Сэм замечает муху, сидящую на его тарелке, берет ее двумя пальцами и сажает на стул, хотя и сам скоро превращается в комара.

Роман «Жизнь насекомых» является ярким постмодернистским текстом. В нем обнаруживаются различные постмодернистские принципы², среди которых принцип деконструкции, смешение планов, интертекстуальность, а также постмодернистская ирония.

В основе романа — принцип деконструкции представлений о человеке. Человек уподобляется Пелевиным насекомому; автором высказывается идея о том, что человеческая жизнь ничем принципиально не отличается от жизни насекомого. Люди, которые стремятся к успеху в бизнесе, на самом деле просто наживаются на других и жадно «пьют их кровь», как самые обычные комары. Или они потеряны в жизни, как тараканы, которые даже поставив перед собой цель выползти наверх, далеко не сразу начинают «рыть землю» в правильном направлении. Однако даже обретя крылья, человек может так и не избавиться от мысли, что в его жизни почти ничего не изменилось, и он всего лишь «копает крыльями воздух». В романе таким образом подчеркивается глубокая трагичность жизни людей. Они, согласно идеям произведения, никак не защищены, а их мир и мечты быстро разрушаются. Так Наташа, мечтавшая о красивой жизни в Америке с ее American boуem, погибает, приклеившись к ядовитой липучке. Марина, которая фантазировала о жизни с возлюбленным, как из французского кинофильма, в конце концов остается одна. Она становится свидетелем того, как ее Николая, военного из Магадана, случайно оступившегося, съедают другие насекомые, а ей дают с собой в свертке его оставшиеся конечности.

В романе также деконструируется идея смысла жизни. Герои разных сюжетных линий романа — люди-насекомые, которые ищут свой путь и

² При перечислении постмодернистских приемов, наблюдаемых в исследуемом романе настоящая работа во многом наследует мысли, высказанные в данной книге: Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М., 2018. С. 102-137.

смысл жизни. Однако все их попытки заканчиваются практически ничем. Среди персонажей можно выделить несколько групп. Кто-то делает выбор в пользу паразитического существования: Наташа, конопляные клопы Максим и Никита. Отметим, что по мнению автора, такая жизнь за счет другого равносильна смерти, именно поэтому эти герои погибают. Другие же — муравьи, навозные жуки — живут по известной им модели, согласно уже сложившимся традициям. По сюжету они не обретают высших смыслов жизни, так как не способны их осознать. Яркий и типично постмодернистский символ романа — жуки, катающие навозные шары. Автор не без иронии описывает разговор бредущих по пляжу отца и сына. Во время их беседы отец так объясняет сыну, в чем смысл жизни: «... кроме навоза, ничего просто нет. Все, что я вижу вокруг <...> — это на самом деле Йа. И цель жизни — толкать его вперед. Понимаешь? Когда смотришь по сторонам, просто видишь Йа изнутри».

Наибольший интерес представляет история мотыльков Димы и Мити: они связаны с духовным началом и ведут философские споры о смысле бытия, о путях самопознания, о поиске своего Йа в этом темном мире. Митя достигает просветления и становится светлячком. Однако вскоре выясняется, что он, как и другие насекомые, летит к единственному источнику света — гнилому пню — еще одной ироничной насмешкой автора над безуспешными попытками героев найти смысл жизни. Кроме того, в романе сталкиваются два начала: индивидуальное и общественное сознание. Люди, до конца не освободившиеся от советского идеологического навязывания и коллективного способа мышления, так и остаются отчасти подверженными влиянию общественного сознания: «Ничего вокруг тебя не изменилось от того, что ты что-то понял. Мир остался прежним. Мотыльки летят к свету, мухи — к говну, и все это в полной тьме».

Надежду на светлое во всех смыслах этого слова будущее Митя обретает, когда наконец, в главе с символичным названием «Второй мир» избавляется от навозного шара и сбрасывает его с обрыва. Можем предположить,

что «вторым миром» является мир внутреннего истинного Яа, а Митя, избавившись от своего шара со всем ненужным, грязным и бессмысленным в жизни, получает заветное освобождение.

Кроме того, в романе обнаруживаем характерное для постмодернистских произведений смешение разных планов — реального и фантастического. С одной стороны, в произведении описываются реальные люди, способные мыслить, переживать, любить; они живут обычной жизнью людей в постсоветской России. Среди героев — Сережа, который ведет жизнь офисного клерка; его дни похожи один на другой; бизнесмены; отдыхающие в крымском курортном городе, которые гуляют по пляжу, купаются в море, влюбляются. С другой стороны, эти люди приобретают внешний облик мух, муравьев и комаров. Люди превращаются в насекомых, приобретают их «инстинкты». Так, Марина от голода и печали разворачивает сверток газеты и съедает останки своего мужа. А ее дочь Наташа поедает еще не вылупившихся из муравьиных яиц своих братьев и сестер.

Критик А. Генис так комментирует пелевинские образы насекомых и людей: «Собственно между ними вообще нет разницы, насекомые и люди суть одно и то же. Кем их считать в каждом отдельном эпизоде, решает не автор, а читатель»³.

Временные и геометрические переключения планов все время требуют перестройки нашего ракурса. С помощью приема игры в романе изображается мир, в котором люди проживают одновременно жизнь обычных людей и насекомых, и эти жизни тотально бессмысленны.

В романе также реализован и другой постмодернистский принцип — интертекстуальность. С. Корнев определяет роман В. Пелевина как «пастиш», «коллаж, винегрет», «игру интертекстуальности», когда соприкаса-

³ Генис А. Феномен Пелевина

ются и проникают друг в друга стили и языки, принадлежащие разным жанрам и разным текстам»⁴. Действительно, роман «Жизнь насекомых» представляется многослойным, наполненным аллюзиями и реминисценциями текстом. Здесь встречается игра с басенными аллегорическими образами, различными мотивами, названиями, цитатами из других произведений, песнями и многими другими явлениями литературы и культуры прошлого и современности.

Этот принцип реализуется уже в названии романа, отсылающем к одноименному энтомологическому труду Жана Анри Фабра, из которого повествователем заимствованы «научно-обозревательный» характер книги и идея всеохватности.

«Превращение» Ф. Кафки, стихотворение «Таракан» капитана Лебядкина из «Бесов» Ф. М. Достоевского, «Повелитель мух» У. Голдинга, «Жизнь пчел» М. Метерлинка, басня И. Крылова «Стрекоза и муравей», К. и Й. Чапеков «Из жизни насекомых» — это лишь часть текстов, на которые мы видим аллюзии.

Один из первых примеров интертекстуальной игры как приема встречаем на страницах главки «Русский лес»: «То, что это иностранец, было ясно не столько по одежде, сколько по хрупким очкам в тонкой черной оправе и по нежному загару того особого набоковского оттенка, которым кожа покрывается исключительно на других берегах». Цитирование стихотворения А. Блока «Россия», упоминание пушкинского «Каменного гостя», пословицы, песни группы «Комбинация» «Вишневая девятка» и American boy, цитирование строчек из А. Фета, общие места из просоветских лозунгов типа «В Америке много говна» и т.д. — все это формирует целое полотно художественного мира «Жизни насекомых».

⁴ Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина

Справедливо будет упомянуть и о сходстве романа В. Пелевина с басней И. Крылова «Стрекоза и Муравей». С басней интертекстуально перекликается одна из сюжетных линий романа о молодой мухе Наташи, родившейся «в честной семье» муравьев, но порвавшей с родными и скромными перспективами в пользу короткого романа с Сэмом и скорой гибели.

Неслучайно уже почти в самом конце романа упоминается имя баснописца, хоть и в некоторой «деконструктивной» форме в духе постмодернизма: «Когда шезлонг оказался ближе, стало видно, что это толстый рыжий муравей в морской форме, на его бескозырке золотыми буквами было выведено "Иван Крылов ", а на груди блестел такой огород орденских планок, какой можно вырастить только унавозив нагрудное сукно долгой и бессмысленной жизнью». В этом фрагменте текста подчеркивается идея пустоты жизни Наташи и других людей-насекомых, а также бессмысленности человеческих действий для достижения ложных целей в жизни. Эта идея соотносится с моралью басни «Стрекоза и Муравей».

Однако при таком изобилии прямых и скрытых цитат пафос тотальной иронии распространяется в романе и на постмодернизм как направление. Пелевин подчеркивает характерные для этого направления бессмысленное искажение классических образцов и нагромождение деталей. Ярким примером такой иронии является сцена беседы Никиты и Максима о постмодернистской постановке «Вишневого сада»: «— Ну, кульминация — это такая точка, которая высвечивает всю роль. Для Гаева, например, это то место, когда он говорит, что ему службу в банке нашли. В это время все вокруг стоят с тятками в руках, а Гаев их медленно оглядывает и говорит: «Буду в банке». И тут ему сзади на голову надевают аквариум, и он роняет бамбуковый меч». Никита не приемлет «искусство советских вахтеров», которые от безделья «на посту» придумали постмодернизм, и заключает, что во всем этом постмодернизме ничего нет, кроме х...йев и треугольников.

В романе дается весьма ироническое изображение литературы в целом. Так, комар напивается одеколоном «Русский лес» и набирается странных идей из аудиозаписи романа Л. Леонова.

Таким образом, роман Виктора Пелевина во многом отражает постмодернистское мышление, даже при таком ироничном личном отношении автора к данному направлению. «Жизнь насекомых» составлен из множества отсылок, аллюзий и реминисценций. Также в нем реализуется смешение планов реального и фантастического, что так часто встречается и в творчестве других писателей-постмодернистов. Для утверждения идей, принципиально важных для понимания всего пелевинского текста, автор использует прием деконструкции и низводит человека, который, как мы помним, звучал «гордо» в прошлой традиции, до мелкого насекомого, ведущего бессмысленное существование. Используя основные приемы постмодернистского направления, автор вместе с тем сохраняет свой голос в тексте романа. Его жалость к персонажам чувствуется в каждой сцене. Апеллируя к читателям, Пелевин заставляет их тоже сочувствовать и сопереживать героям. Содержательно «Жизнь насекомых» — нечто большее, чем «просто буквы на бумаге», как определял свой текст другой постмодернист Владимир Сорокин. Роман Пелевина — это еще и продолжение традиционной для русской литературы темы «маленького человека», сведенного обстоятельствами до совсем крошечных размеров, причем как морально, так и физически.

Библиография

1. Коваленко А. Г. Мир игры и игра мирами В. Пелевина // История русской литературы XX-начала XXI века. Часть III. 1991-2010 годы. Сост. и науч. ред. проф. В.И.Коровин. М., Изд-во Владос, 2014.
2. Генис А. Феномен Пелевина // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html>
3. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html>
4. Кротова Д. В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М., 2018. С. 102-137.
5. Пелевин В. О. Жизнь насекомых. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 256с.